

Вольная страна фантастики не сковывает своих приверженцев строгими канонами, а, напротив, позволяет непринужденно смешивать разные творческие направления. И мы видим, как в рассказе нашего постоянного автора Дениса Гербера наметившийся хоррор превращается в драматичное мрачноватое фэнтези; как приключения юноши из общества, опутанного средневековыми ритуалами и условностями, перетекают в твердую научную фантастику под пером уже знакомого нашим читателям Тимофея Николайцева; как безвременье мира полубогов, созданного Игорем Яковицким, вдруг становится началом самостоятельной истории человечества, а в рассказе Матвея Мазуренко обыденная жизнь новосибирского менеджера и путь трамвая № 13 невероятным образом оказываются связаны с глобальной галактической проблемой...

Денис ГЕРБЕР

Я НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ ГОРЯЩЕГО ГОРОДА

Р а с с к а з

— Это мой десятый турнир, — напомнил Сэм. — Что, если я снова одержу победу?

Хак курил, глядя, как грузчики в желтых комбинезонах складывают ящики на выдвижную платформу полуприцепа.

— Ты же знаешь. Я говорил тебе много раз, — ответил он Сэму.

— А я хочу услышать еще. Пообещай!

— Хорошо. Если ты победишь, я тебя упокою, — размеренно проговорил Хак. — Доволен, зануда?

— Навсегда упокоишь?

— Навсегда.

— Поклянись жизнью дочери!

— Нет у меня детей, черт тебя дери! И клясться я не буду. Мы друзья и должны доверять друг другу.

«Разве может живой дружить с мертвым?» — подумал Хак. Его бы засмеяли, скажи он такое публично, но их с Сэмом отношения и вправду походили на дружбу. Во всяком случае, этот мертвец нравился Хаку больше, чем кто-либо с бьющимся сердцем.

Бригадир грузчиков, повернувшись к Хаку, дал отмашку. Хак кивнул в ответ и выбросил окурок.

— Все, Сэм, отправляемся. Иди укладывайся в ящик.

Им предстояло проехать двести километров через Юго-Западную резервацию, где воскрешение мертвых было под запретом. Дозволялся лишь транзит и обязательно «в неходячем виде».

Хак забрался в свой автомобиль, подождал, пока тронется неуклюжая фура, и выехал на шоссе следом. Уже вечерело. Над прерией висело пасмурное небо. Далеко на севере в землю упиралась косая полоса — там шел знатный ливень.

Чтобы отогнать сон, Хак придумал забаву — метров на двести отставал от фуры, затем быстро нагонял ее, вдавливая в пол педаль акселератора. Во время очередного маневра между ними вклинился синий пикап, что вызвало у Хака приступ раздражения. Хак несколько раз посигналил, затем стремительно обогнал пикап и снова пристроился за фурой. «Лучше раздражение, чем сон за рулем, — решил он. — Спасибо тебе, водитель синего пикапа!»

На пункте досмотра при въезде в резервацию ему лишь посветили фонариком в лицо и оставили в покое. Зато к фуре прицепились основательно: открывали ящики, проверяли документы, что-то выспрашивали у водителя и сопровождающего.

А дальше потянулось безжизненное вечернее шоссе. И холодящее душу Хака беспокойство. Ему нужна победа на предстоящем турнире. Но Сэму она, пожалуй, нужнее. У живых свои цели, у мертвых — свои. Разве можно их сравнивать?

Из резервации выбрались благополучно. Оставалось проехать еще пятьдесят километров до поворота, а там... кто знает, как далеко нынче расположили Арену.

Хак посмотрел на датчик топлива. Бензина оставалось меньше полубака. На турнире найдется, чем заправиться, — были бы деньги. Он подумал, что даже в случае проигрыша кто-нибудь пособит с горючкой. Может, встретится его должник, если такие еще остались в этом мире.

«Хорошо Сэму — ему горючка, еда и деньги не требуются, — подумал он с усмешкой и тут же отругал себя: — Считать так — злорадовство. Конечно же, Сэму в сто крат хуже, потому и хочет поскорее упокоиться».

На обочине появился светоотражающий знак — рука, ухватившаяся за лезвие меча, и капающая с них кровь. Проехав еще немного, фура стала тормозить, а затем грузно сползла влево на примыкающую к шоссе дорогу. Хак поехал следом за раскачивающимися в темноте красными габаритными огнями. В воздухе появился запах травы и поднятой пыли; пришлось закрыть окна.

В этом году Арену организовали ближе, чем обычно. Через несколько минут Хак увидел свет прожекторов. Составленные в круг фуры, грузовики, легковые автомобили образовали посреди прерии настоящий поселок. «Так древние переселенцы держали оборону от дикарей, — подумал Хак. — Только сейчас сражения происходят не снаружи кольца, а внутри».

У центральных ворот толпился народ. Сверху на металлической перегородке светился такой же знак, что и на дороге, только раз эдак в десять больше. И капающая кровь на нем мигала красным.

Хак подъехал к малым воротам, припарковал автомобиль на свободное место среди таких же легковушек и подошел к охранникам. Их было четверо. Одного Хак признал: Базз, человек Мелвинса. Базз попытался скрыть озабоченность, но это у него плохо получилось — глазки забегали, левый локоть на мгновение прильнул к телу, проверяя наличие кобуры под курткой.

Дежурный охранник просмотрел документы Хака и указал на два желтых автобуса за воротами.

— Пройдешь между ними, — сказал он. — Там регистрация и корпус для ланист...

— Я лучше твоего знаю, где тут что, — прервал его Хак и, улыбаясь, принял документы.

На регистрацию он, конечно же, не пошел: там все сделают без него. Отправился на Гало — кольцевую улицу между трибунами и внешней стеной из фур. Там сунул в губы сигарету и огляделся. Народу здесь было меньше, чем у центральных ворот, и почти все занимались делом. Грузчики таскали ящики. Искрила сварка на металлической конструкции среди шатров. Рядом с официальной конторой ошивались букмекеры без лицензий.

Хак двинулся по Гало против часовой стрелки, ощущая между затяжками знакомую смесь запахов — бензин, пиво, химикаты... Помнится три года назад, когда еще были разрешены трансляции, кольцевых улиц на Арене было две. И народу гораздо больше.

Он как раз докурил, когда оказался перед шатром с надписью «Бумеранг» над входом.

В заведении сидело трое посетителей. Романида — барменша и владелица «Бумеранга» — как всегда, за стойкой. Ей уже перевалило за пятьдесят, и она все черней и черней красила волосы. И прибавляла размер груди — как показалось Хаку. В этом году Романиде помогал какой-то курчавый красавец в фартуке.

— И ты здесь! — сказала Романида, наливая Хаку «как всегда бурбон». — Не видела в заявках твоего кадавра.

— Нас регистрируют в последнюю очередь, чтобы сохранить интригу, — пояснил Хак.

— Все равно все знают, что без Падалекромсателя дело не обойдется.

— Ты вот засомневалась, — заметил Хак, отпивая бурбон.

Падалекромсатель — так публика окрестила добродушного по своей натуре Сэма, звезду Арены. Ему это прозвище жутко не нравилось. Он ведь и сам в некотором смысле был падалью.

— Кто в этом году из неофициальных организаторов? — спросил Хак.

Романида кинула полный подозрения взгляд на сидящую за столиком трицу. Сказала тихо:

— Все как обычно. А еще Ларс... и Мелвинс.

— Мелвинс? Я видел одного из его людей в охране.

— Базз, — подтвердила барменша.

Хак прихватил бокал и отошел к доске с расписанием боев. На сегодняшнюю ночь были заявлены четверо бойцов. Линии, нанесенные зеленым маркером, соединяли их согласно результатам жеребьевки: Еретик — Дохлятина, Зараза — Красный Глаз. «Хорошо, что у Сэма много очков и ему не придется сражаться с этим отребьем, — подумал Хак. — Кто бы из них ни прошел дальше, они не представляют угрозу. Разве что... разве что...»

Его размышления прервала вставшая рядом Романида.

— Всегда было интересно, Хак, — проговорила барменша, — как ты заполучил своего кадавра?

— Разве не знаешь, как оживляют мертвецов?

— Далеко не всякого свежего можно поднять. А твой, говорят, очень старый.

Хак допил бурбон и сунул Романиде пустой стакан.

— Его тело шестьдесят лет пролежало на склонах Эвереста. Он был альпинистом. А мертвые альпинисты отлично сохраняются.

Хак никогда не смотрел поединки чужих мертвецов. Странное правило для ланисты, но оно работало. Другое правило предписывало всегда отслеживать результаты. В эту ночь Дохлятина и Красный Глаз победили в своих боях. В итоговой схватке верх одержал Дохлятина. С ним и предстояло сойтись Сэму.

Съев полагающийся в корпусе бесплатный завтрак, Хак направился к трейлер-парку, где содержались боевые кадавры.

— Кажется, мы разбирали с тобой, что делать с Дохлятиной, — сказал он Сэму.

— Можешь не напоминать, — отмахнулся Сэм. — С этим справлюсь. Вот во второй подгруппе есть Прах...

— Ты его уже побеждал.

— Да, но какой ценой! Он мне руку едва не оттяпал.

— Пусть хоть обе оттяпает. Ты, главное, победи в турнире.

Сэм приподнял руки, повертел ладонями перед лицом. Затем внимательно осмотрел Хака. Избегая его взгляда, Хак потянулся за сигаретой.

— Будешь по мне скучать? — спросил Сэм.

— Хочешь не хочешь, а твой ящик будет напоминать о тебе.

— Ну и отлично. Смотри на него вечерами.

Сэм дотронулся указательным пальцем до горячего уголька на сигарете Хака. Прикосновение не причинило ему боли.

— Мне очень тяжело, — сказал он. — Ты даже не представляешь.

— Знаю... Не представляю... Все будет хорошо, Сэм. Всего-то два боя.

Их поединок был первым в этот вечер. Хак сидел на трибуне и глядел вниз на огороженную щитами площадку. Болельщиков собралось много. Все они дружно взвыли, когда ведущий объявил выход Падалекромсателя. Сэм проследовал к центру площадки, поприветствовал публику вознесенным мечом. И у Дохлятины нашлись свои почитатели, они скандировали что-то неразборчивое, когда тот выбредал на Арену, волоча за собой прикованный к цепи шар.

Хак вздрогнул, заметив присаживающуюся справа Романиду.

— Пришла поболеть за Падалекромсателя.

— Сэм... Его зовут Сэм. Оставила заведение на своего мачо?

— Все равно клиенты на боях.

Сэм и его соперник поклонились друг другу, разошлись и замерли в ожидании гонга.

— Я никогда не видел горящего города... — безадресно проговорил Хак.

Гонг прозвучал, и мертвецы кинулись в бой. Дохлятина крутил своим шаром на цепи. Сэм пару раз увернулся и начал отступать. «Правильно делает, — подумал Хак. — Дохлятина тем силен, что вводит соперника в заблуждение своею неповоротливостью. Он способен на молниеносный удар, но только единожды».

— Что ты там сказал про горящий город? — спросила Романида.

— Ритуал такой... На победу.

— Я поняла, но что это значит?

— Знаменитый гладиатор Спикулус произносил это перед каждым поединком, вместо молитвы. И всегда выигрывал. «Я никогда не видел горящего города...» — строчка из стихотворения его хозяйина, римского императора Нерона¹.

— Император писал стихи?

— Да. И играл в театре. Был садистом, мразью, трусом и великим человеком. Говорят, он приказал поджечь Рим, чтоб вдохновиться этим зрелищем и сочинить стихотворение.

Сэм таки дождался подходящего момента и нырнул под вращающуюся цепь. Дохлятина попытался отступить и понизить траекторию, но опоздал — меч уже пронзил ему живот. Сэм поверг противника на вытопанную траву и уперся ногою в горло. Зазвучал

¹ По легенде, римский император Нерон произнес эти слова, когда кто-то сказал, что его поэме о падении Трои недостает правдоподобия. Вскоре после этого в Риме случился страшный пожар. То, что город был подожжен по приказу императора, — лишь одна из версий, как и то, что Нерон наблюдал за катастрофой, декламируя строфы из своей поэмы.

гонг, и объявили победителя. Пока Дохлятине помогали уползти, Сэм стоял с поднятым мечом и слушал нескончаемые овации.

— Правда, что ты хочешь его упокоить? — спросила Романида.

— Это очень личный вопрос. На такие я отвечаю только после стакана бурбона, не меньше.

— Всего один стакан? Тогда я угощаю.

— А твой мачо не приревнует?

Романида презрительно фыркнула.

В «Бумеранге», изрядно поддав, Хак рассказал ей про Сэма:

— Когда он разбился на Эвересте, он был не один. С ним погибла его жена. Сэм умирал в мучениях и уже знал, что она мертва. В курсе, что ежесекундно испытывают ожившие мертвецы? Именно то чувство, с которым умерли. У одних — ярость, у других — страх. А Сэм одновременно переживает два вида боли — физическую и моральную, на грани отчаяния. Почти двенадцать лет в нем звучит этот последний аккорд.

— Жутко. А ты на этом зарабатываешь...

— Заткнись, Романида! Ты ничего не знаешь.

— Знаю, что ты многим задолжал.

Они допили бурбон. Романида кивнула на дверь в свои апартаменты.

— Я бы еще приняла, но только не у всех на виду. Держу репутацию.

Хак осмотрел ее, стареющую *Bona Dea*², владеющую чашей и рогом изобилия. Он поднялся и сказал:

— Запомню твое предложение и приму в следующий раз. Клянись жизнью дочери.

— Следующего раза не будет.

Ночью Хак не смотрел поединки, но околачивался возле табло, где обновлялась информация. Ставки на Падалекромсателя резко упали, когда выяснилось, что в финале против него выйдет Прах. То, чего они с Сэмом и опасались.

Прах был чемпионом трех турниров, молодой и дерзкий (если такие характеристики применимы к мертвецу), и слава его росла. В позапрошлом году он победил наиболее эффектно: сначала оказался обезоруженным, затем вырвал из вражеских рук трезубец, разломал и обломком проткнул противнику горло. И все за считанные секунды, на трибунах едва успели разинуть рты.

Пройдя два раза по Гало, Хак зашел к Сэму, чтобы обсудить предстоящий поединок. Решили придерживаться той стратегии, которая однажды уже принесла победу над Прахом. Но и противник наверняка учел имеющийся опыт.

² *Bona Dea* (лат.) — Благая Богиня, в римской мифологии божество плодородия, женского здоровья и невинности. Ее изображали с рогом изобилия в одной руке и чашей со змеей в другой.

— Как меняется человечество, — задумчиво сказал Хак. — Раньше живые бились и умирали. Теперь мертвые сражаются и никак не умрут.

— Для меня ничего не поменялось. Главной наградой гладиатора была свобода. И я буду сражаться за нее. Только моя свобода — смерть.

Перед финальным боем, как обычно, разогревали публику разной чепухой: устраивали потешную охоту на мертвеца, сносили головы воскрешенным козам, нарядили двух кадавров в костюмы с символикой партий и разыгрывали совершенно непонятный Хаку политический сюжет. Он ни за что не пришел бы смотреть всю эту чуху, но вынужден был держать место, которого можно лишиться даже на трибуне в спецсекторе.

Наконец объявили бойцов. В темноте над Ареной зависли несколько камер — делали трансляцию для нелегальных каналов. Сэм вышел первым. Луч прожектора высветил лишь его ноги, но публика взревела. Затем во втором луче возникли ноги Праха. Снова рев толпы. Наконец бойцов показали в полный рост; их мертвую плоть прикрывали набедренные повязки, ремни, поножи и обмотки на ногах. В финальном поединке разрешалось иметь лишь три вида оружия или защиты. Сэм держал в правой руке меч, в левой — небольшой круглый щит, а на поясе висел кинжал. Прах, мастер боя на дальней и средней дистанции, вооружился коротким копьём, квадратным щитом и хлыстом, прикрепленным к левому нижнему углу щита. Этим знаменитым хлыстом он обычно выделял разные фокусы: стегал противника по глазам, опутывал руки или подсекал.

— Я никогда не видел горящего города... — прошептал Хак сразу после гонга. — Я никогда не видел горящего города... Я никогда...

И тут же произошло невероятное. Прах так метнул копьё, что оно пригвоздило левую ступню Сэма к земле. Публика встала. Хак тоже вскочил, затем взобрался ногами на скамью. Сквозь мельтешение голов и поднятых рук, ему удалось разглядеть, что происходит на площадке. Прах носился по кругу, все время стегая Сэма кнутом и не давая возможности вынуть копьё. Сэм проворачивался на пришипленной ноге и готов был воспользоваться мечом, как только противник приблизится. Очевидно было, что надолго его не хватит. «Если Сэм ничего не предпримет, — с охолодевшим сердцем подумал Хак, — то Прах выбьет из его руки меч, а затем ударами щита...»

Он молился, чтобы Сэм выстоял. Но душа хотела иного результата. Может, и лучше, если Сэм проиграет. Да, за проигрыш заплатят в сто раз меньше. Но с долгами можно что-нибудь придумать. Зато не потребуется расставаться с этим парнем. Сэм еще послужит. Он расскажет тысячу занятных историй, внимательно выслушает тысячу глупостей. Если б не его страдания...

Пока на арене дрались мертвецы, в душе Хака боролись чувства. А затем... его самого ударили по темени. Хак повалился

на впередистоящих, упал между ними на скамью. Второй удар лишил его сознания.

Он очнулся в полулежащем положении, на каком-то ящике. Жутко болела голова. Хак поднял руку и ощутил повязку. Кто-то его уже подлечил.

Он огляделся. Кругом стояли ящики с выпивкой. Очень похоже на подсобку «Бумеранга». И действительно, открылась дверь, вошел курчавый помощник Романиды.

— Очухался? — улыбнулся он Хаку и, прихватив пару бутылок, удалился.

Полминуты Хак провел в одиночестве, не решаясь подняться. Затем в подсобку вошли трое. Один из них — охранник Базз, другой — его хозяин, голубоглазый и лысый толстяк Мелвинс. Третьего Хак никогда не видел, но желания поближе познакомиться с этим человеком не испытал — слишком большой и мрачный. Все трое расселись на ящиках. Мелвинс — по центру. Одет он был, как всегда, нелепо: светло-коричневый костюм, сапоги до колен, шейный платок павлиньей расцветки.

— Прости, что пришлось тебя долбануть, Хак, — заговорил Мелвинс. — Ты стал чересчур скользким в последнее время.

— Наверняка это был он. — Хак указал на мрачного здоровяка. — Ты-то, Мелвинс, и задницу свою с трудом таскаешь.

— Дерзишь... Но я, толстозадый, тебя, скользкого, прижучил.

— Как закончился поединок?

Трое переглянулись.

— Твой победил, — сказал Мелвинс. — Он тут в баре с Романидой сидит.

Хак ощутил, как боль в голове приутихла. Хоть что-то хорошее.

— Ты мне много задолжал, — сказал Мелвинс. — Память, надеюсь, не отшибло?

— Да, и я тебе все отдам. Незачем было меня по темени...

— Все шестьдесят тысяч?

— Все сорок. Мы на проценты не договаривались.

— Мы и на сроки длительные не договаривались.

— Пусть будет пятьдесят, — согласился Хак. — За пробитую голову компенсацию не требую.

— Все такой же наглец, — повернувшись к Баззу, сказал Мелвинс. Затем снова взглянул на Хака. — Я с тебя денег не возьму. Расплатись своим мертвецом.

— Нет. Я Сэма не отдам.

Мелвинс хмыкнул и погладил блестящую лысину.

— Сколько ты получишь за победу?

— Около восьмидесяти.

— Добавлю к ним еще двадцать и забираю Падалекромсателя.

— Не пойдет.

— А сколько хочешь?

— Да нисколько. Это был его последний турнир. Я обещал ему упокоение.

— Вот как?.. — Мелвинс откинулся к стене, затем сказал Базз: — Посмотри по ящикам, может где-то имбирный эль есть.

— Принесу из холодильника, — отозвался Базз и вышел.

Мелвинс молчал, словно никак не мог продолжать разговор без своей выпивки. Спустя минуту Базз вернулся и сунул ему открытую бутылку. Мелвинс без особого удовольствия отхлебнул.

— Ты ведь должен не только мне. Ларсу — где-то около ста, не так ли?

— Расплачусь с тобой и часть верну Ларсу, — ответил Хак. — Сначала хотел наоборот, но раз уж ты здесь...

— Хватит дурачиться! Я могу доставить тебя к Ларсу. У нас сейчас теплые отношения и совместный бизнес.

— Тогда ты своего не получишь.

— Не получу. Но Ларс меня отблагодарит.

Хак пошарил в кармане, достал из пачки сигарету. Зажигалки не нашлось. Он вопросительно взглянул на Базза и поводит большим пальцем вверх-вниз. Базз понял просьбу, но никак не отреагировал.

— Я не могу отдать этого парня, Мелвинс, — сказал Хак. — Почему бы тебе не взять весь мой выигрыш и не оставить нас в покое?

— Раньше нужно было думать. Теперь отдашь мертвеца или будешь разговаривать с Ларсом. Ты знаешь, как и чем это закончится.

Хак запихал неподкуренную сигарету в губы, поводит нижней челюстью.

— Я прошу тебя, Мелвинс, как старого друга. Знаю, поступал паршиво...

Ничего во взгляде голубых глаз не изменилось. Базз и мрачный здоровяк смотрели с легкой насмешкой. «Все вы, трусы, чувствуете свое превосходство, когда собираетесь в кучу, — проговорил Хак про себя. — Вас бы заставить биться друг с другом, вместо мертвецов».

— Не понимаю, чего ты уперся, Хак, — сказал Мелвинс. — Ну, обещал ему упокоение... Все что-то обещают своим бойцам. Обычное дело.

— Ты не понимаешь, ему очень паршиво.

— Я как раз понимаю. Страдания — его движущая сила, ею Падалекромсатель и побеждает.

Мелвинс достал из кармана зажигалку и бросил Хаку.

— Хорошо, сделаем так. Я списываю твой долг, расплачиваюсь за тебя с Ларсом.

Хак подкурил сигарету и пару раз затянулся. Он сделал вид, будто размышляет, но мыслей в голове не было. И размышлять было не о чем.

— Так ты теперь ланиста? — спросил он Мелвинса.

Толстяк пожал плечами.

— Начал понемногу. Но мне нужна настоящая звезда. Твой Падалекромсатель — самый подходящий вариант. Он будет сиять и дальше.

— Сиять... — мрачно усмехнулся Хак и выпустил дым. — Он будет сражаться, пока обещаешь его упокоить. Но ты же его не упокоишь.

— Почему же? Когда-нибудь... Ладно, я вижу, ты уже решил. Ребята, помогите-ка ему.

Базз и здоровяк подошли к Хаку, но он отмахнулся:

— Не надо. Смогу сам.

Из подсобки они переместились в зал «Бумеранга». Бар, по всей видимости, был закрыт. Только за одним столиком сидели Романида и Сэм. Мелвинс и Хак подошли к ним. Подручные Мелвинса остались у стойки, за которой крутился мачо.

— Мы договорились, Сэм, — объявил Мелвинс. — Теперь твой ланиста — я. Отныне будешь биться за меня.

Сэм непонимающе взглянул на Хака. Хак кивнул и, почему-то глядя на Романиду, сказал:

— Да, дружище, прости... У меня нет выбора.

Сэм ошалело поднялся, но Мелвинс тут же положил руку ему на плечо и повлек к выходу.

— Не переживай, приятель. Всего-то пару боев... — сказал он мертвецу.

У двери Сэм обернулся и посмотрел на Хака. Он хотел было что-то сказать, но подошедшие Базз и здоровяк вывели его наружу.

У Хака возникло ощущение, будто только что выключили громко игравшую музыку. Он слышал, как мачо протирает бокал, чувствовал, как пульсирует стянутая бинтами голова.

— Садись, выпей, — сказала Романида.

Хак присел и отхлебнул из бокала. Там оказался неразбавленный джин.

— Как голова? — спросила Романида. — Это я рану обработала. Не расстраивайся так. Тебе и вправду не оставили выбора.

Хак допил джин и долго глядел куда-то мимо столов. Взгляд его, казалось бы, проник за брезентовую стенку бара, а там снаружи вообще ничего не было — только бесконечная темная прерия.

— Выбор был, только я не решился сделать правильный, — сказал он Романиде. — Помнишь, я говорил тебе про Спикулуса и императора Нерона?

— Конечно. Гладиатор, повторяющий стихи своего господина.

— Спикулус, как и большинство гладиаторов, был рабом. Затем возглавил конную гвардию императора, а после стал личным охранником Нерона и его семьи. И близким другом.

Романида подлила джин, но Хак пить не стал.

— Случилось восстание, и сенат приговорил Нерона к смерти — через сечение розгами, — продолжал Хак. — Спасти императора

от позора и мучений должен был верный Спикулус, но того во дворце не оказалось. Тогда Нерон сам проткнул себе горло.

— Ух ты! А что стало с гладиатором?

— Его схватили и расшибли о статую Нерона. Не правда ли, иронично? Не император погиб от руки Спикулуса, а наоборот.

Он встал и направился к выходу.

— Эй, Хак! — негромко позвала Романида, и он обернулся. — Я говорила, что следующего приглашения не будет. Можешь считать, что оно все-таки есть.

— Я знаю, знаю... — Хак вымучено улыбнулся ей. — Спасибо за бинты.

Когда он вышел из «Бумеранга», уже светало. Хак побрел к конторе мимо стоящих в темноте палаток и фур. Он подумал: если после получения призовых его убьют между какими-нибудь вонючими машинами, ему будет все равно. А если его оживят, он станет вечно чувствовать себя паршиво. Но и это не сравнится с состоянием бывшего друга — Сэма, Падалекромсателя, звезды Арены.

